Бремя гения

Category: Edebi makalalar,Kitapcy
написано kitapcy | 24 января, 2025
Бремя гения БРЕМЯ ГЕНИЯ

«Закольцовка твоего стиха про цветы, Мариночка, ну, просто гениальна!»… «Послушаем нашего тончайшего лирика Арама Мунтяна»… «А чем сегодня удивит нас «король поэтов» из аграрного университета Егор Хомутов?»… Так или примерно так общались между собой молодые и седовласые активисты литературной студии при местном ДК, на очередные занятия которой был я недавно приглашен в качестве гостя. И невольно припомнилась мне из далёкого прошлого одна не то быль, не то байка, весьма забавная и поучительная…
Где-то в начале 80-х минувшего века, погожим июльским деньком, меня, тогдашнего сибирского корреспондента центральных «Известий», вдруг вызвали в редакцию, чтобы «помочь в освещении» очередного Московского международного кинофестиваля. Приглашение наш куратор собкоровской сети выдал с оттенком поощрения за мои творческие старания, но я, стреляный воробей, прекрасно понимал его истинную подоплёку. В пору летней благодати вальяжным столичным коллегам было не до каких-то фестивалей, они грели свои трудовые мозоли где-нибудь у «самого синего в мире», и газете срочно потребовались литературные рабы. Но эту догадку пришлось оставить при себе, ибо приказы командиров не обсуждаются, даже и лестные по форме…
Словом, полетел я в Первопрестольную. Явился в редакцию и немедля приступил к выполнению заданий по отделу литературы и искусства, довольно-таки многочисленных.
Я должен был присутствовать на пресс-конференциях, просматривать как можно больше конкурсных фильмов из разных стран и передавать в редакцию главные новости. Замечу, что газета Советов выходила ежедневно. Но, благо, я был не единственным «известинцем», аккредитованным на кинофестивале, работал в связке с замом заведующего отделом Валентином

Новиковым и одним нештатником из круга московских кинокритиков. Изредка в штабе фестиваля появлялся и наш завотделом (редактор по отделу, в тогдашней табели о рангах) Юрий Черепанов, чтобы пообщаться с хозяевами и гостями праздника киноискусства «от пяти континентов» — продюсерами, режиссёрами, артистами. А с некоторыми из них встречался и в редакции.

Впрочем, не только с ними. Газета не оставляла без внимания и других культурных тем, за которыми стояли свои герои и авторы.

И вот теперь, через много лет вспоминая ту фестивальную командировку, я ловлю себя на том, что почти забыл все фильмы и речи о них, но память сохранила немало лиц, с которыми довелось встречаться. Притом почему-то более не из числа прямых «киношных» собеседников (кроме разве что белокурой дивы Лены Драпеки, пребывавшей на пике славы после выхода фильма «А зори здесь тихие», да маститого киноведа Армена Медведева, главы пресс-центра, который потом вручал мне приз по итогам «освещения» фестиваля), а из иных «интересных людей». К примеру, запомнился первый бас России Александр Ведерников, поразивший меня простотой обращения, маститый художник Илья Глазунов с его эксцентричностью, народный писатель Кара-Калпакии Тулепберген Каипбергенов. По-особому памятно знакомство с лирическим русским поэтом, которого высоко ценил «сам» Шолохов, Владимиром Фирсовым, между прочим, позднее написавшим предисловие к моему сборнику стихов. А ещё с аксакалом национальной литературы, народным поэтом Калмыкии Давидом Кугультиновым, о встрече с которым мне как раз и хотелось сегодня рассказать несколько подробнее.

Однажды, забежав с очередной заметкой в редакцию, я застал в «своём» отделе литературы и искусства гостя, которого тотчас узнал по фотографиям, часто мелькавшим в газетах и журналах. Большого гостя. Во всех смыслах этих слов. В нём, наряду с талантом и статусом живого классика, всё было крупным: и рост, и осанка, и голова, с остатками кудрей в «поэтическом беспорядке», и широкоскулое лицо, заметно изрытое оспинками, и

тяжёлые руки, которые он положил на стол, сидя перед завом отдела и оживлённо беседуя с ним. Я хотел было потихоньку оставить шефу свой очередной шедевр и скромно ретироваться, но он жестом пригласил меня присесть к столу, рядом с почтенным собеседником, и представил:

— Знакомьтесь, собкор из Сибири, освещает кинофестиваль. Кстати, ваш младший коллега по литературному цеху, член Союза…

Давид Никитич протянул мне мужицкую руку, в которой на миг утонула моя щелкопёрская, кивнул мне доброжелательно и продолжил прерванный разговор. Речь шла о поездке группы советских писателей во Францию, возвращаясь из которой, как я понял, высокий гость по пути в родную Калмыкию и заглянул в столичные «Известия». Главная газета Советов к мастерам национальных культур относилась по-особому внимательно, и они по праву считали её своей. Всего рассказа о том, что делали наши мастера слова за границей, я уже не помню. Но от невольно подслушанного разговора у меня сохранилась в памяти та самая история, названная выше забавной и поучительной.

Во время той (а, может, другой подобной) поездки Давиду Кугультинову выпало в Париже делить гостиничный номер с Николаем Доризо, тоже видным тогда поэтом. Он, правда, не имел титула «народного» и Госпремия у него была рангом пониже (не союзная, а российская, имени Горького), но имел широкую известность как автор популярных песен: «На тот большак, на перекрёсток…», «Огней так много золотых…», «Помнишь, мама моя…» и других, часто звучавших по радио и охотно распеваемых в народе. К примеру, когда я в молодости работал учителем в Канской школе-интернате, то слышал их буквально ежедневно. Там колоритный завхоз Михаил Моисеевич (фамилию, простите, подзабыл) по совместительству руководил интернатским радиоузлом, сам вёл передачи и после наших «домашних» новостей неизменно объявлял не то с горским, не то с рязанским акцентом: «А теперь послушайте песни на слова НикОлая ДОризО…». После чего врубал те самые «большаки-перекрёстки», «огни золотые», «маму мою» и «Почему ж ты мне не встретилась», и «Давно не бывал я в Донбассе»… К чести автора, некоторые из этих песен живут и сегодня, стали почти народными.

И вот Кугультинов, рассказывая о пребывании в прекрасной Франции, между прочим поведал, что они с соседом по гостинице, собратом по перу Николаем Доризо, оба бывшие фронтовики, оба теперешние секретари Правления Союза писателей России, вечером обычно гуляли по Парижу, беседовали, обменивались впечатлениями и заветными думами. А однажды, когда знатные советские поэты шествовали по Елисейским полям, по главной улице французской столицы, Николай Константинович поделился сокровенным.

— Счастливый ты человек, Давид, — начал он доверительно. — Да-да, счастливый, несмотря на нелёгкое прошлое, на депортацию, пережитую тобою вместе со своим народом, на стылые норильские лагеря… Ныне ты уважаемый поэт, тебя много переводят, знают и любят не только на малой родине, в Калмыкии, но и во всей нашей державе. Словом, ты талант, и тебе хорошо, тебе легко…— И затем, глубоко вздохнув, с печальной нотой в голосе выдал сердечное признание: — А мне, брат, тяжело. Ох, знал бы ты, как мне мучительно тяжело… Ведь я — гений…

После столь неожиданной концовки документальной новеллы мы с шефом переглянулись и поневоле рассмеялись. Грустновато улыбнулся и Давид Никитич. А потом, повернув ко мне своё большое усталое лицо в крупных оспинах, иронично заметил:

— Так что, братцы-сочинители, не стремитесь в гении, оставайтесь простыми талантами. Нам легче…

С годами в том полушутливом рассказе калмыцкого мудреца мне видится всё больше правоты. Я даже склонен думать, что и в «таланты» торопиться не обязательно. И вообще называться поэтом, писателем. Особенно — самому называть себя. Когда-то Александр Твардовский заметил: «По-моему, сказать «я писатель» — всё равно, что сказать «я хороший человек». И он, создатель величайшей «Книги про бойца» Василия Тёркина и ещё ряда классических поэм, скромно говорил о себе: «литератор». Пример, достойный подражания.

Что же до памяти «благодарных потомков», то пусть сохранятся в ней не титулы и самооценки ваши, а проникновенные строки, одна из которых, может, в итоге даже осенит ваш крест или памятник, навроде пушкинской: «Слух обо мне пройдёт по всей Руси

великой…». Но ещё лучше, если на вашем надгробии напишут просто «говорящее» имя усопшего, как это, к примеру, сделали (по мудрому совету поэта Гаврилы Державина) соратники гениального русского полководца и всенародного любимца, кратко отчеканив на памятнике: «Здесь лежит Суворов»…

Поверьте, менее всего намеревался я этими заметками упрекнуть или как-то унизить одного из действительно замечательных поэтов военного поколения с его редким песенным даром (к тому ж, признаться, велеречивый восточный рассказчик «парижской истории», по некоторым сведениям, запятнавший себя сотрудничеством с фашистами в конце войны, за что и побывал «на нарах», а в пору перестроечной смуты из певца дружбы народов вдруг оборотившийся в антисоветчика и русофоба, у меня не вызывает особого доверия). Мне этой когда-то услышанной байкой лишь хотелось подчеркнуть, что даже в устах столь высокого мастера слова «избыточная» самооценка, если она была, вызывает чувство неловкости и грустную усмешку. А что говорить о претензиях и амбициях, о беспардонной саморекламе множества нынешних явных «любителей» и «подмастерьев», о разгуле заказных панегириков подобным словотворцам в разных «междусобойчиковых» газетах и журналах, передачах телевидения и радио, не касаясь уж писательских сайтов и, так называемых, литературных студий? Стыдобушка одна…

Александр ЩЕРБАКОВ. Edebi makalalar